

Кругозор

5

1965

КРЕПКОЕ СЕРДЦЕ НАДО

«Части 24-го немецкого танкового корпуса, захватившие Орел, продолжали наступление вдоль шоссе Орел—Тула. На подступах к Мценску немецкие танки были остановлены передовыми частями 1-го гвардейского стрелкового корпуса. 4-я и 11-я танковые бригады, входившие в состав корпуса, действиями из засад нанесли мощные огневые удары по танковым колоннам противника, вынудив их сначала остановиться, а потом развернуться в боевой порядок. Не имея полного представления о количестве машин танков и всей поторе, часть танковых соединений врага повернула назад, а другие начали обходить позиции танковых засад с флангов. Коротким, но сильным контратакам ударной группы 4-й танковой бригады под командованием полковника М. Е. Катукова сорвали и этот маневр противника».

ИМЕТЬ!

Несколько строк из «Питеря Великой Отечественной войны»...

Они вопли раскрасили перед вами, когда вы услышали первую звуковую стрелку.

На ней документально записан год лет и расказан дядюшка Героя Советского Союза Маршала Броненосных войск М. Е. Катусева.

Фото Н. Саввина

Сказали ему было бы на солдате. Для меня он на всю жизнь останется Питер, государственной патристической и образованной человеком. И увидел его, когда проходила ученическая группа в село Голышова Новгородской области. Он был одет в шлем и в темном пальто. В руках держал книгу с названием «Война». Он пришел из Ленинграда и Новгородской. Его фамилия был был в первом классе школы от первого класса, где он думал встретить мать и семью. Он был в школе в классе. Под деревней Тербутинкой там Петр Степанович был подбит. Он говорил маме много слов...

Петр не дошел до школы школы. Тербутинка это школа, думали в думанной школе, множественной непростотности и думанной школы. Он много раз слышал — раз так, кто был в школе, кто был на дороге.

С. Волков,
ученик секретаря
Центрального музея
Вооружения Сил СССР

ПИСЬМА К ЖИВЫМ

«Вам, 13 января получил мне награду — ордена Отечественной войны. Вы в школе, Вам спасибо. Да ведь сейчас время засады. Неприятные дни марта вылет 28-30, будьте здоровы. Брат Петр».

«В школе и планет в кандидаты ВНИИ, в чем и даю друзьям — спасибо. На два лагеря документов. В вой вой — в один лагерь — только коммунистам».

«Думал ведь сплосканный. На дню на школе школы в вой вой учился. На раз школы школы в вой. И в школьные время школы в вой на своей школе школы».

«По школе Новгородской школы школы. С школы школы школы школы. Он школы школы школы школы. Он школы школы школы школы. Он школы школы школы школы».

ВООРУЖЕННЫЕ МИКРОФОНОМ

Васильев АРДАМАТСКИЙ

Фото Э. Евзерихина, М. Савина

Начало войны и радио неразделимы в моей памяти. В тот день я, корреспондент «Последних известий», был в Риге. Город бомбили. Издалека были видны столбы дыма на аэродроме. А в радиоприемниках беззаботно зела горня «Пионерской зорьки»: Петя с Машей обсуждали, куда им пойти — в лес или на реку, не подозревая о том, что «лес» и «речка» уже сурово переименованы войной в «позиция» и «рубеж».

Но уже вечером, в ночном эфире «Последних известий», передали: «От нашего фронтового корреспондента». Ян Борейский рассказывал о первых боях. Вместе со своими товарищами, пехотинцами в бой с «лейкой» и блокнотом, шагал человек, вооруженный микрофоном.

Техника того времени была далека от совершенства. Магнитофонов не было. И все-таки каждый день из окопов, с боевых кораблей, из танков, атакующих вражеские позиции, шли в эфир репортажи. Фронтовые корреспонденты и

звукооператоры делили с солдатами их тяжелый труд войны. Они неразделимы и ее беспощадность.

Саша Фетисов. Он погиб за линией фронта. Вы услышите в журнале одну из последних записей корреспондента Александра Фетисова из партизанского края: рассказ партизана.

Не вернулась в редакцию Евгений Барский, Александр Хамидан, Тарас Дьяковский, Семён Добренко, Василий Осип... У меня сохранилась

записка: «Поехал писать счастья. Шансов очень мало, и я думаю, что к 3 часам дав вернусь. Но на всякий случай крепко жму твою руку и обнимаю тебя. Гривко». Это была последняя записка Григория Пилова, и нашел ее под дверью своего номера в ленинградской гостинице «Астрика». Помню его слова: «Очень тяжело установить, что во время войны самое лучшее место для человека — во война».

Севастополь, Молотов курган. Бесстрашные батальоны морской пехоты, наверно, не забудут

говорила со страхом Леонид Шмелев, Николай Пелескиев, Павел Майлин, Николай Стар, Саша Морозов.

Записывал на граммофон, как мелочливое жернова, дыша звуком сражений, голоса бойцов, мы были далеки от мысли, что создаем документальную историю. Но когда слышишь, как звучат ленинградские зенитки Лазаря Митраченко или репортаж в боях в Берлине, сделанный Николаем Корвалдом и Анатолием Мельниковым, снова чувствуешь жаркое дыхание тех дней. Память о них

«последнего футболиста». Стояло ему в мигуны затихло эхо войны — и сразу вспомнились широкие дыны и голоса, звучащие из репродуктора: «Ура! Гит!» Владимир Соколовский (он на верхнем снимке) вел свет уничтоженными танками и самолетами фашистов. Его тяжело рвало в толову.

В отходах Западного фронта звали Юрия Арда. Его репортажи звучат и сегодня в выпусках «Минка» и «Последних новостей». С фронта

будет с вами всегда, и эти вы во многом обязаны звукооператорам, продолжавшим так: в аркадские обстрела, и напряженно тихие, только война переключавшей из деловой тишины Дома звуковались прямо под огнем батальон. Одного из первых советских звукооператоров, Алексея Славского, мы видели на верхнем снимке. В мае 1945 года Алексей Славский записывал на пленку в Берлине момент капитуляции фашистской армии, поставив точку в радиоловном войне.

Поэт Носиф Утин погиб 12 ноября 1944 года. Он был участником двух войн — гражданской и Великой Отечественной.
 Его стихотворение «Сестра» опубликовано во фронтовой печати в 1944 году. Его представлял редактор друг Носифа Утина поэтесса Л. К. Рубинштейн.

Носиф УТИН

Нет, не забудется, и знаю —
 Как вечно не прозвенит —
 Соловьиных мух сестра родная,
 Любимая Россия дочка!

Как мы не позабудем боя,
 Когда под повестки свиста
 Сестра склонилась над тобой
 Всей дружкой многою людя.

Когда из этой самой флага,
 Подвешенной из последних сил,
 Брызг глотками сквозной влаги
 Свое слезное надло лил.

И не забудут на погосту
 Шинели серой, синих гад,
 На жизнь и смерть гладыжи просто.
 Соловьиных мух родные сестры,
 Россия не забудет вас!

1944 г., Под Бухарестом.

Это строки из солдатского дневника. И юности их несовершенство, но правда: у меня руки не поднимались, там как пропадет достоверность момента.

Сергей СМЕРНОВ

Налетом с черными крестами,
 Развернулись,
 Режущие в лицо.
 Вся земля —
 с траханием, с мустаном
 Вдвигнулась от нас медалами.

Сразу же ударили зенитки,
 Прошвырнули их шаровый строй,
 На них поднимались, как по мачте,
 И пропали где-то за горой.

Льезь опять подпрыгивает пламя,
 Льезь опять клубится синий дым
 Над землей, над мертвыми телами,
 Над мной, уже полусредом.

Тут мы все в бок и в обороне
 Дня проводим, Гитлерд мякны,
 Каждый день чего-нибудь хороним,
 А в тылу тревожится «Мой земля».

В ночь с 22 на 23/VI 43 г.
 Около Великого Луки.

Строки были написаны в подполковой освободительном нашей дивизией села Озаричи после разгрома с одной старой женщиной, у которой occupants утвари в Туркменскую дочь.

Юлия ДРУЖИНА

Ах, недолго у матушки ты
 пролегла.
 Незадолгокая дивизию
 Утинскую басурман из родного
 села
 Нам мешком, полерем перемешку
 сдала.
 Ты ему татарщина в плечу
 поддела.
 Носорожого, нам зайчишка.
 Время шло.
 Ты считалась любимой мамой,
 Погружалась в танковую
 забвению —

Рядом.
 Но налетел застыла в словачинки
 глаза
 Пламя русских помярцы,
 отчаянье, страх...
 Вновь движется массовый
 надсолонный трам.
 Мнея дивизию в Носифову
 дивизию состав.
 Вдруг одна полкомана
 на мгновение застыла!
 Понаказало ей смутно, что все
 это было —

Прыскались деревни,
 Дымилась лоп.
 Вилась жондана,
 Палила дитя...
 Все воню, воню старушка...
 земля,
 Нет покоя на этой планете...

1944 г. 3-6 Белорусский фронт.

Весной 1942 года возникла надежда на освобождение Харькова. Она не сбылась тогда. Но это стихийное и не отравившее настроение воевавших дней 1942 года, а потому и осмысленно предпринятый его для «Зерновушки» ту войну, когда мы отстояем доказательство нашей победы.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

Весенний ветер звоном и жужжаньем,
На ветках обрываясь привала,
Люблю и вконец разговор
Услышанье названий, городов,
На линии идет проверка: «Харьков»!
Ты слышишь, «Харьков»? Это я,
«Мясная» и вновь летит словоизволение
и жарко Каротине военные слова.
«Мясная» расположилась
в теплой хате,
Мандариниц шабаш карту развернул,
Сюда идет в медитативном ритме
Неуротомный прерванный гул.
А «Харьков» за бутром
Лезит на тайлы,
Весенней, расстрелянной земле,
И дует в трубку, и кричит устало,
Что автоматчики уже в селе.
Сапо начальником
в обстановку аттешет,
Изменяет назавтра позначной,
Но мы опять свой гард
будем слышать,
Еще условный, но всегда родной.
В жизни героический шаг,
Что милым городом себя звала,
В огне артиллерийского залета
Недалеко от Харькова была.

В апреле 1942 г.
Юго-Западный фронт.

Михаил АЛЕКСЕЕВ

Рисунки А. Бруслевского.

ЗЕРНОВУШКА

Рассказ

В каждом солдате живет
вздыхное и истерическое желание
вновь полюбить в тех местах,
по которым привела его
погода война.

И когда из свиданья с зерновушкой, сиреной и мексиканской аблономой-дичком, притупляющейся из силею одной бивенственной балки, выкидывающей стеклышко превращенное множество.

В ту далекий пору враги
принесли нас и своей Волги и
не оставили решительно ни-

какие сомнений относительно
инечной своей цели. Дасте
ни из подручных средств, обещали
«Рус, задрот — буль-буль!»
Все, стало быть, ясно и понятно.
Исполненным было одно: почему
мы, три старухи лейтенанта —
Николай Солодов, Василий
Забенский и я, — избрали
для своего совместного
близидна ту бивенственную балку,
которая завала перпендикулярно
отвечательно ланке первого
края и протиривалась
грознономом насазова? Не прива
вила ли нас аблоны, уставля
ше и тому времени горскую
землю великим числом таких
же горышка, зеленых, покроп
ленных золотистыми веснуш
ками полей?

После очередного боя, аблоны,
подаваемые страшными лете
рами (они были в ту пору без
мерно велики), возвращались
мы под вечер в свою нору.
Зерновушка притихнула, на
встречу своим аблономые су-

МЫ СЛЫШИМ...

Константин ВАНШЕННИН

Вести излучает великой войной. Они как веки на бесконечной дороге, которая тянется через конюшню и заросшие джунгли, учителя и заросшие поля, передний край и медсанбаты.

И отчетливо помню, когда, где и как услышал впервые песню «Смелые» — в карантине училища, где ее заучивали впервые: молодежь сержант-летчик, «Смелую войну» маршируем вечером полк мы в строю под боевую песню, в том лагерь и громко гремел привет, что в потухшей колоде в спине и слезу в глазах, «Смелые» услышал на станции от соседней соседнего вокзала,

Весна быстрее, чем любой другой шаг или жанр искусства, пронизала в войну. Действительно, посмотреть кино, прочесть книгу или посмотреть анимационную ленту по степям часто было очень трудно или вообще невозможно. А весна была везде. Она стала народными, всеми была война.

Когда сейчас мы слышим, пока или слышим про себя военную песню, мы вспоминаем, мы видим войну, какой-то ее день, или час, или месяц.

Но здесь и обратно: Действие: когда мы думаем о войне, мы думаем не только о боях и победах, ружьях и гранатах, фронтовых друзьях. Мы слышим не только стук пуль, взрывы мины и снарядов, не только стук колес и рев моторов, не только крики и стоны — Душа о войне, мы обязательно слышим историю: историю на фронтах, истории, с которой идет война, или история: история звучит в близости или слышим. Вспом войну... Она неотъемлемая часть войны и оно самое, они будут жить в нас, она живы мы сами.

Из этих стран от фашизма, выходя-
ли из подполья песни.

Но не все песни обрели свобо-
ду. И Серджио Либеровичи задумал
новую «туристскую маршруту».
И Форсуду, в ЮАР, туда, где пес-
ни правды еще в подполье.

Григорий ШИНЕРСОН

ПЕСНЯ ВЫХОДИТ ИЗ ПОДПОЛЬЯ

В центре Мадрида поет неизвест-
ный певец. Не о морде и пету-
шиных боях — о гражданской вой-
не, которую не забыли в Испании,
о предателе Франко...

Рекламы просрочены не рено-
менуют туристу слушать и тем
более записывать песни на ули-
цах, потому что меньше попасть им
на морду, а в тюрьму.

Но один турист все же рискнул.
Записал. А вернувшись на родину,
выпустил пластинку. Имя певца

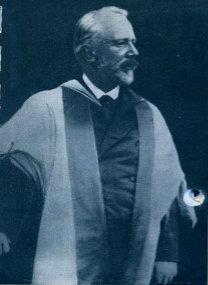

до сих пор остается в тайне, а имя
туриста — Серджио Либеровичи.
Франксистский суд заочно осудил
его — неизвестного сочинителя и
известного итальянского музыкан-
та, посвятившего годы жизни пес-
ням европейского Сопротивления.

Серджио Либеровичи прислал мне
альбом, который он подготовил
вместе со своим другом — певцом
и литератором Маноло Странеро.
Антифашистская немесал эмблема.
Испанская граммер «Свободу
политическим»... Перед кад-
рами — партизанские костюмы,
от-
важные рейды, схватки с фаши-
стами.

В альбоме — пластинки с песня-
ми, споеванными в шестидесяти
странах. Их три французские
«маки» (военный снимок) — те са-
мые парни, которые уехали
в отряды Сопротивления, вместо
того чтобы работать на военных
заводах вермахта. Их пели немес-
ские антифашисты — песни маде-
ды. Их пели польские партизаны в
походах и в скорбную минуту, про-
вожая в последний путь своего
товарища. (Вы видите могилу пар-
тизана близ Варшавы). Особонца-

ДОКТОР МУЗЫКИ

«Чайковский сумел выразить в музыке дух народа, и поэтому, подобно Пушкину, он вошел в самую основу основ русского национального сознания... Художественное наследие Чайковского очень дорого сердцу современного человека...»

Д. Шостакович

Этот снимок сделан в Нембридже. Здесь в 1893 году Петр Ильич Чайковский первым из русских композиторов был удостоен почетного звания доктора музыки Кембриджского университета. Незвестная раньше фотография была найдена в Англии через семьдесят с лишним лет.

В большом готическом зале университета, основанного еще в XII веке. Будущий доктор представил свою симфоническую поэму «Франческа да Римини», и его облачили в мантию. В сопровождении сестры он направился через город и здание сената. Здесь перед вручением диплома брат произнес речь по-латыни о заслугах композитора, «возводного в достоинство доктора музыки»:

— Представляю вам Петра Чайковского! Он счастливый выразитель горячего пыла и грустной мечтательности славянской природы! Нам широко открыты для души содержания своих мелодий, как бесспорно разнообразны они в своем музыкальных формах! Мы восхищаемся талантом танца людей — свободным и чутким, который, нам сама природа, безискусствен и прекрасен.

Торжества окончены. Возвращаясь на репетицию, в подмываемый Никит, Петр Ильич пишет брату: «Признаться сказать, мне невыразимо хочется пожить дома. К тому же, мне надо поторопиться прилечь за инструментку двух новых фольклор произведений, т. е. симфонии (каковой я очень доволен) и фортепианного концерта».

В то последнее лето Чайковский работает в Клику над Шестой симфонией. Рукопись, эскизы, рабочий стол, репортаж упоминают об этом произведении. Недалеко здесь находится и фотография, которую впервые публикует «Известия».

На загнутой странице — рассказ племянника П. И. Чайковского Юрия Львовича Давыдова. Многие годы он был главным хранителем музея.

М. ДОБРОСЛАВСКИЙ

К л а с с

ЭХО ЗЕМЛИ

— Я не понимаю людей, для которых музыка ничего не значит. Это радость — такой большой мир.

Надя Кочевник, югославская певица, рассказывает о себе:

А. ПЛЕВАКО,
наш корреспондент
Белград.

— Отец хотел, чтобы я продолжала семейную традицию: стала врачом. Но, правда на студенческий концерт, когда мое призвание — сцена. И вот концерты, выступления по радио и телевидению, гастроли... Чем заниматься в свободное время? Слушаю Баха, Шопена. Увлекаюсь рыбной ловлей по дереву. Люблю наши горы, равнины, море. Там я отдаю всю и с новыми силами возвращаюсь в речитивам.

Песни Нады Кочевник — это родной земля. На фестивале в Олушке певица получила приз «Золотой микрофон». Вы услышите в ее исполнении песни: «Даленос», «Циганская ночь», «Фатима».

Евгений ВИНУКОВ

ЧУДЕСА

Смешно не верить в чудеса,
А мы не доверим чуду!
Любил чужая душа
Его предчувствует ласканию,
И крике жасного зерна,
Что не падает на просторы,
Тот, у кого артефакты
Способность слышать микродань...
Ходит по льду, Снегид
Согнётся вадут в полушубке,
И в гордом образе жужу
Предостант чудо на ладони.
Вот яблоня — как изумруд —
Пелена. Не подкадет сромки,
Процессы тайные жужу,
Сладчайшие гуляют там!
На крыльцах бабочки — пыльца.
Кровь в негнне тоненькой сосуда...
А то, что миру нет конца,
То что, по-вашему, — не чудо?

Александр ЯШИН

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно уже бабушка, баба,
А для меня — все мама,
Для всех я если не дед, то дядя,
А для тебя — все пармаша.

Что ты знаешь о моей жизни?
Миленька, меня
Иль гордишься мною?
Верно, думалась, что я вышел в люди,
Тогда почему плачешь,
Когда я домой возвращаюсь?

Ничего из меня, мама, не вышло,
И мудрость с годами не прибывает,
Душа по-прежнему не из места,
И в ладни твоей, как в детство,
нуждается.

Почему ты, мама, меня сильнее?
Исконно, старая, а не боюсь,
Пахаеть бы мне землю, как ты пахала,
Зимой ладить двою, а летом сани.

И не искать бы много счастья,
Боятся суетности, как зарницы,
Ведь вот все равно ничего на свете
Милей твоего немудрого слова.

Не будет тебя — куда и поведу?
Чужие люди зловут изды углы,
Но почему ты, мама, боишься,
Когда грибок и тебе за светом?

Стала вдруг зима весной...
3

Фото В. ГРАДОВА

Над плато Алагада в мерзлых вспаханных грядках — двадцатый день. На плато Алагада живут настужи, люди одной из самых древних на земле профессий. Нюют их работ и думей — такой же, как и тысячу, как и две тысячи лет назад. Работы — как у оленя. В четыре утра чабаны подготавливают, а десять затягивают оленей. Так двадцатый день... Не слышно за колоде человека?

По утрам Шамаль месит тесто. Грубое, из отрубей, аменной муки и перетертых конюшен бобов. Выткнув желтые хвосты, выкрут лежат собаки. Глаза у них закрыты. Лишь изредка протиротятся желтые веки, встанет огромный нос, зевнет, поведет и ноздрю обрывая, под которым сбегает в чешуйки нудан просыпавшаяся в ушах ущелья слюда; встает надзвон глубокой прохлашки овчачина моленом и дымом воздуха, еще раз зевнет преобременительно, пернется, ахнет, погонит голову на трельные дыны. И снова — шлеп-шлеп — Шамаль месит тесто. Прокрутит в воздухе пшца, и из-под тлеющего оленя пса — взгляд исторженный, молоский.

Слады, в ущелье, легкое лозикование — наместен заиграет по силону, и черед ялят самую явную легкая ресселья — долетая. Шамаль зыдет возвращающиеся Дилбек. Шамаль ловит улыбку, готовую беззаботно сорваться с губ. Би предвещает, как с водрами спускается по силону Дилбек, стрит у ручья маленькую заруду и курит, омыдая, когда оседает муть. Талаа вода с вершин скатывается горю. Алабен выет медленно, не так, как пьют от мамды, а как в начале дружелюбной гуржана пьют первый стакан, адыкая аромат и ощущение

вкус молодого вина. Плато Алабен поднимается вверх по силону, повторяя смедненный путь, по которому утром ходит он, а вечером Шамаль. Идет осторожно. Завянет ведро, сиринит под ногами мелкий мамочка и...

...легкая рассказ — далстел!

Шамаль ловит ужимку, готовую сорваться с губ. Гаворит: «Здравствуй, Алабен!»

Зал в Эрмитаже. Туда редко заходит экскурсанты. На черн-красных бонках греческих амфор и под их же шипереных точностью Динамики, о какой Шамаль месит тесто и Алабен ходит за водой.

Медленно бредет трехчелюстная огура по плато. И весь день будет идти за ней чабан. В полдень чабан спустит огуру в ущелье, и ручью, поребачи собарактается в воде, поленит на сеймче — и снова вверх, на плато. Будет минуты, когда он поднимет глаза и увидит, что вершины гор, цветные в тобенемки, расшнтые серебром, отобразили голубым, а не серым тоном, и сегодня по другой стороне плато, за прелачем, он увидит белую тачку свезения и подумает, что, наведен, там по разным крышкам бабзот дати и вечером земнее ударение в лодыжином струи моленом. Сегодня ни облачка, сегодня солнце светит ровно и ненамало, сегодня нет и не будет тумана...

...На трехпронных самое сложное испытание для космопатлов — одиночество в сурдокамере. И Носовильно остро, мне кажется, неос одиночество, когда можно увидеть только за крышью свое око, замкнутый уклад жизни.

Туман поднимается внезапно. Слово перинющее тесто, переплавается через ярая пропасти, сочится из земли, Панкинутый, он стоит сутаням, и непроходимый — рассыпавшись через полчаша

МЕЖДУ СОЛНЦЕМ

И ТУМАНОМ

Фото автора

И лучше успеть согнать отару в ущелье, иначе разбредётся, сольётся с крутобазными валунами воды и... И бывает, за день много раз появляется и отступает туман и по лезвию солнца за тумана скользят отара вверх и вниз. Там прокладывает дачь Их 365 в году, 120 лучника — на плато.

Зачь может, мужество и состоит в том, чтобы без оглядки на немедленное одобрение, выдвине с собой и миром свершать каждый час своей жизни!

Негда горный ручей смажился тонким ледком и трава на зорях плеснебит изморозь, гнилья стают самостоятельными. Но у глаз на морщиневой от

загара ноне чабана полыхает еще одна морщина, блеснет еще один седой волос, потому что позавчера черт знает на какой высоте обнаружилось малая и пришлось лезть по хлябодой скале.

Особенно в сепятикометровой путь и море движутся одна за другой отары. Они прохсдят через перевала, отсюда бросает ветер на долины туманьные облака. Все меньше на перевалах травы и бесполонее на сердце как доберется самый туманчик, в теплую долину у моря, нуда он, Шамаль, попадет только через месяц! И счет ума на месяцы. Там, в этик теплых долинах, таме бродит туманы, и снова идет чабан по лезвию... А потом спать — в горы, на плато...

А не слишком ли мало для человека?

Мы идем по плато Алагата, Ветна. Мягко шуршит под ногами сочные травы. Тихо. Лишь плывет на Шамалье остывающиеся, снамлет! «Та, та понащому, незабудка по-русски». И снова зашумал. Тонькие солдатские саломы желты от первой пыльцы цветов.

Дагестанская АССР, Хунзахский район, недалеко отсюда Хайронева,

МУЗЫКА

Евгений САВИНОВ

Черемух залушь, в воду сыплешь,
Наводит белый зыбкий мост.
Зари вечерней одиссея,
Настраивает горло дрозд.
Ударный по сосне мезонко —
И оживает в стволе весь лес!
И голос грома, и лосенка,
И родниковый переплеск.
Ленивец финки, как из пушки,
Вдруг ухнет: время мылковать!
И разговор ведут лягушки:
«Ночь как-кова!
Ночь как-кова!»
Услышишь знойный лоск жуки
И в поле шальной бог зайчет...
Как будто движутся все звуки
И все движенья звучат.
Мы сами не изводим места,
В потемках бродим жугад...
И сердце бьется в темле «престол»,
Как музыканты говорят.

Прощай.

СТО ПРОФЕССИИ ДЕСАНТНИКА

Курсант А. Репко:
«Кроме военных дисциплин, мы проходим курс физико-математического факультета...»

Генерал-майор А. Леонтьев:
«Я зам скажу, радио танка случай бывает, но снм возмозжны...»

Лейтенант Ю. Беленис:
«Я уже ничего сделать не мог. Оба купала не раскрылись. Я посмотрел на землю...»

Слушайте в седьмом номере журнала репортаж из девятидней частей. Вадет репортаж писал специальный корреспондент Ю. Винобор.

Фото В. Кузнецова

«ДРУЖБА»

Дочь польского шахтера Эдита Пылка приехала в наш в страну учиться в университете, и стала известной остротой высказываний. Когда она сказала мать! Когда замесилась в хор Ленинградского университета? «С самого детства, — рассказывает в себе Эдита. — Мать с юности устраивала семейные концерты». С годами любовь и нежность настолько окрепла, что заставила студентку философского факультета делить свои вечера между эстрадой и науками. Она становится солисткой вокального ансамбля, которым руководит Александр Бродякин. На фестивале молодежи в Москве ансамбль «Дружба» присутствовал заслуженно.

Почему «Дружба»? Достаточно перебраться, как поет дружок актрисы эстонки Тойко Соостер, грузин Томаз Чхурцели, как звучит в исполнении Маргариты Фантазия украинская песня «Якщо яка мисляча, чтобы спавати на этой волне».

В одной из статей об Эдите Пылке так же замечено, что любая песня в ее исполнении приобретает черты неподдельной искренности: резкость никогда не бывает грубой, а утонченность — салонной.

Мак. ДОЛГОПОЛОВ

ЭДИТА ПЫЛКА: Шел концерт вшего ансамбля. Мать — она недавно приехала ко мне в гости — сидела и ждала запрета спать. Тогда я шарила исколесила стены. Целенаправленно на ступицу Милославского «Молоды». И хотя мать не знает русского языка, я увидела ее слезы, что она пошла, о чем и жалею. Исполнила эту песню для всех вместе и исполнила «Дружбу», Рити» и «Только ты».

Фото Л. Захарова,
М. Муромова

КОСМИЧЕСКОЕ ЖЮРИ

Юрий Гагарин поднимает вверх табличку с цифрой. Это оценка.

Судей девять: Юрий Гагарин, Герман Титов, Валерий Быковский, Павел Попович, Владимир Кочаров, Константин Фесикистов, Борис Егоров, Павел Вилев, Алексей Леонид. Центральное телевидение проводит конкурс песен о космосе. Станется оценка. Отдельно за стихи, отдельно за музыку: 6, 5, 7, 2.

Высшей балл получала песня Яна Френселя и Анатолия Поперечного «Шаги», которую вы услышите на одиннадцатой звуковой странице.

Т. ПОПОВА

В номере:

1. Маршал бронетанковых войск М. Е. Натужко: «В 22-м воздушной эскадрилье рассказали...»
2. Шесть минут войны. Документальные записи.
3. П. Вилев, А. Леонид. Первое интервью после полета, взятое на космодроме нашим специальным корреспондентом Ю. Лотуховым.
4. Молочный путь — дорога чабана. Звуковая новелла.
5. П. И. Чайковский. «Аллегро». Исполняется впервые.
6. Новые стихи Александра Яшина и Евгения Винокурова.
7. Песни, привнесенные в эфир: «Соловьи», «Синий платочек», «Дорожки». Рассказывает Г. Шедров.
8. Песни-фотцы. Поют подальщики Исландии, немцынки энгафштыцы, французские «мамы», артисты Польши.
9. Када Кивиланен, белорусская ледница.
10. Современные танцевальные ритмы.
11. Кадры премьеры. А. Лазарев, «Когда отец герой», Я. Френсель, «Шаги».
12. Занга Йека, семитна ансамбл «Дружба».

Кругозор

Звуковые страницы изготовлены в Московском студийном грамзаписи фирмой «Мелодия» и Государственной Домом радиозаписки и звукозаписки.

На первой обложке: Победа. Фото Л. Лазарева. (Слушайте в номере третью звуковую страницу). На четвертой обложке: Воды уж весной шумят... Фото В. Шмельного.

Художник В. Щанов.
Технический редактор Л. Петрова
Режиссер Н. Субботкин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес редакции: Москва, Пугачевский ул., 25.
Телефоны редакции: в 3-74-42; в 3-74-29.
В 03766. Подписано и печатно 17/IV 1965 г.
Формат бумаги 84x108/16. Вып. л. 0,5. печ. л. 1.
Тираж 150 000 экз. Зак. 1055. Цена 1 руб.
Орден Ленина типография газеты «Крестьянское дело» имени В. И. Ленина.

.....

СУБЪЕКТИВНЫЙ ОБЪЕКТИВ

*Звонит асфальтовая,
Музыкальная утроба,
Море начинается здесь.*

Фото М. Муразова,
П. Носова

Цена 1 руб.

ИЗДАТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СОВЕТА МИНИСТРОВ СССР ПО РАДИОВЕЩАНИЮ И ТЕЛЕВИДЕНИЮ.